

Fac totum

Charles Bukowski

ФАКТОТУМ

Чарльз Буковски

Москва 2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

Charles Bukowski
FACTOTUM

Copyright © 1975 by Charles Bukowski.
Published by arrangement with Ecco,
an imprint of HarperCollins Publishers, Inc.

Перевод с английского *Т. Покидаевой*
Оформление серии *Н. Ярусовой*

Буковски, Чарльз.

Б90 Фактотум / Чарльз Буковски; [пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 224 с. — (Культурная классика).

ISBN 978-5-04-093255-9

Роман культового американского писателя и поэта Чарльза Буковски. Как высказывался сам Буковски «...в нем повседневная тягмотина низшего алкогольного класса, так называют тех, кто просто пытается выжить». Критики называли этот роман самым сильным и личным из легендарной Одиссеи Чинаски. «Мне было страшно. На самом деле мне было страшно от жизни — от всего того, что приходится делать каждому только затем, чтобы у него было что есть, где спать и во что одеваться. Поэтому я валялся в постели и пил. Когда ты пьян, мир по-прежнему где-то рядом, но он хотя бы не держит тебя за горло».

Роман дважды экранизирован. Фильм «Пьянь» 1987 года стал апогеем популярности Буковски в Америке, сценарий написал сам Буковски, в главных ролях снимались Микки Рурк и Фэй Даунауэй. Второй фильм, «Фактотум», 2005 года, был снят Бэнтом Хамером, и главные роли сыграли Мэтт Диллон и Лили Тейлор.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-093255-9

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Джону и Барбаре Мартин

Писатель отнюдь не стремится увидеть, как лев кушает травку. Он понимает, что и волка, и агнца создал один и тот же Господь, а потом улыбнулся «и увидел, что это хорошо».

Андре Жид

Глава 1

Я приехал в Новый Орлеан в пять утра. Шел дождь. Я решил посидеть на автобусной станции, но люди меня угнетали, так что я взял чемодан, вышел наружу, под дождь, и побрел вдоль по улице. Я не знал, где здесь можно снять комнату подешевле.

Картонный чемодан распадался на части. Когда-то он был черным, но покрытие давно облезло, и остался один беззащитный желтый картон. Я пытался решить проблему, натерев желтые залысины черной ваксой. Но крем потек под дождем, и я испачкал обе штанины, пока шел по улицам, перекладывая чемодан из руки в руку.

И все-таки это был новый город.

Может быть, в этом городе мне повезет.

Дождь прошел, показалось солнце. Я забрел в черный район.

— Эй, белый! Ушлепок!

Я поставил чемодан на мокрый асфальт. На крыльце у подъезда сидела, болтая ногами, высокая азиатка. Вполне симпатичная, очень даже.

— Привет, белый ушлепок!

Я ничего не сказал. Просто стоял и смотрел на нее.

— Не хочешь заняться чем-нибудь нехорошим, а, беленький?

Она издевалась, смеялась надо мной. Сидела на ступеньках, болтала ногами. У нее были очень красивые ноги. И туфли на высоченных каблуках. Она болтала ногами и смеялась. Я поднял свой чемодан и пошел к ней. И тут я заметил, как занавеска в одном из окон слегка шелохнулась. Я успел разглядеть лицо. Чернокожий мужчина, похожий на Джерси Джо Уолкотта. Я развернулся и пошел дальше своей дорогой. Ее смех мчался за мной по пятам.

Глава 2

Комната располагалась на втором этаже. В доме напротив был бар. Он назывался «Кафе «Сходня». Двери бара были распахнуты настежь, и из окна моей комнаты мне было видно, что происходит внутри. Люди там собрались самые разные: в основном полные отморозки, но было и несколько интересных лиц. По вечерам я сидел дома, пил вино и рассматривал людей в баре, а деньги неумолимо кончались. Днем я обычно подолгу гулял по городу. Часами сидел на скамейках, глядя на голубей.

Ел я один раз в день: для экономии, чтобы денег хватило на подольше. Я нашел одну грязную забегаловку, владелец которой был полным чмом, но там подавали роскошные завтраки — блинчики, овсянку, сосиски — почти задаром.

Глава 3

В тот день я вышел на улицу, как обычно, и пошел шляться по городу. Мне было на удивление хорошо и спокойно. Солнце было как раз таким, каким нужно. Мягким и ласковым. В воздухе разливался безмятеж-

ный покой. Я добрался до центра квартала, и там был магазин. Перед входом на улице стоял какой-то мужик. Я прошел мимо.

— Эй, ПРИЯТЕЛЬ!

Я остановился и обернулся к нему.

— Работа нужна?

Я подошел к мужику. Дверь в магазинчик была открыта. Я заглянул туда. Большая темная комната. Длинный стол, за которым стояли люди. Мужчины и женщины. Все — с молотками, которыми они колотили по каким-то шутовинам на столе. В темноте было не очень видно, что это такое. Мне показалось, что это моллюски. От них пахло моллюсками. Я развернулся и пошел дальше.

Я хорошо помню, как папа по вечерам приходил домой и говорил о работе. Каждый день. Разговор о работе начинался уже с порога, продолжался за ужином и завершался в родительской спальне, когда папа кричал: «Гасим свет!» — ровно в восемь вечера, потому что ему надо было как следует высыпаться и набираться сил, чтобы назавтра идти на работу. Сплошная работа. Ничего, кроме работы.

За углом меня остановил другой мужик.

— Слушай, дружище... — начал он.

— Да?

— Слушай, я ветеран Первой мировой. Я положил жизнь за эту страну, а теперь я вообще никому не нужен. Никто меня не берет на работу, никто. Меня тут не ценят. Хотя я столько сделал для этой страны. Я не ел уже несколько дней. Помоги мне, чем сможешь...

— Я сам ищу работу.

— Ты ищешь работу?

— Ага.

Я пошел дальше. Перешел через улицу.
— Врешь! — крикнул он. — Ты не ищешь работу!
У тебя есть работа!
Спустя пару дней я приступил к поискам.

Глава 4

У него был слуховой аппарат. Провод от аппарата тянулся вдоль шеи и скрывался в кармане рубашки, где лежала батарейка. В офисе было темно и уютно. Мужик был одет в старый потертый коричневый костюм, мятую белую рубашку и потрепанный по краям галстук. Мужика звали Хедерклиф.

Я прочел объявление в местной газете. Контора была рядом с домом.

Требуется энергичный, честолюбивый молодой человек, который задумывается о будущем. Опыт работы — не обязательно. Перспектива карьерного роста. Начинаем с отдела доставки и дальше — вверх по служебной лестнице.

Я ждал в приемной вместе с другими молодыми людьми. Их было пять или шесть. Все исправно пытались казаться честолюбивыми и энергичными. Мы заполнили заявления о приеме на работу и теперь ждали, когда нас вызовут. Меня вызвали самым последним.

— Мистер Чинаски, почему вы ушли с сортировочной станции?

— Там у меня не было никаких перспектив.

— У железнодорожников хорошие профсоюзы, медицинское страхование, пенсия.

— В моем возрасте до пенсии еще далеко. О ней как-то не думаешь.

— Почему вы приехали в Новый Орлеан?

— У меня слишком много друзей в Лос-Анджелесе. Они мне мешали сосредоточиться на карьере. Я подумал, что надо уехать в совсем незнакомый город, где можно будет нормально работать, чтобы меня ничто не отвлекало.

— А кто даст нам гарантии, что вы не уйдете от нас, проработав всего ничего?

— Да, если что, я могу и уйти.

— Поясните, пожалуйста.

— У вас в объявлении сказано, что вы ищете честолюбивых людей, которые задумываются о будущем. Вы обещаете перспективу карьерного роста. Если такой перспективы не будет, я скорее всего уйду.

— Почему вы не побрились? Вы что, проиграли спор?

— Еще нет.

— Еще нет?

— Нет. Я поспорил с квартирным хозяином, что сумею устроиться на работу за один день. Даже с такой бородой.

— Хорошо. Мы подумаем и сообщим вам о своем решении.

— У меня нет телефона.

— Ничего страшного, мистер Чинаски.

Я вернулся к себе и принял душ. В общей ванной в конце грязного коридора. Потом оделся, вышел на улицу и взял бутылку вина. Поднялся к себе и сел у окна. Я пил вино и смотрел на людей в баре через дорогу, на прохожих на улице. Я пил медленно, не торопясь, и снова думал о том, что надо бы обзавестись пистолетом — причем быстро. Решил и сделал, без всяких раздумий и разговоров. Это вопрос смелости. А то я уже стал сомневаться, хватит мне смелости или нет. Прикончив бутылку, я лег и заснул. В четы-

ре утра меня разбудил стук в дверь. Мне принесли телеграмму. Там было написано:

МИСТЕР Г. ЧИНАСКИ. ВЫХОДИТЕ НА РАБОТУ ЗАВТРА В 8 УТРА. ХЕДЕРКЛИФ.

Глава 5

Это был распределительный отдел издательства, выпускающего журналы. Мы работали за большим упаковочным столом — сверяли комплектацию заказов так, чтобы количество экземпляров совпадало с количеством, указанным в счете. После этого мы подписывали квитанцию и либо паковали заказ для отправки за город, либо раскладывали журналы по ящикам, предназначенным для местной доставки. Работа была легкая и скучная, но мои сослуживцы пребывали в состоянии непрерывного возбуждения. Переживали за свою работу. Сотрудников было немало: и ребят, и девчонок. Главного вроде бы не было. Никаких бригадиров и старших. Спустя пару часов после начала смены две девчонки крупно повздорили. Что-то насчет журналов. Мы паковали комиксы, и что-то где-то пошло не так. Спор никак не утихал. Девчонки совсем разъярились и принялись орать друг на друга.

— Послушайте, — сказал я, — эти книжонки даже не стоят того, чтобы их кто-то читал, не говоря уж о том, чтобы из-за них ссориться.

— Ага, — огрызнулась одна из девчонок, — ты тут у нас самый умный. Мы знаем, что ты себе думаешь. Что эта работа тебе не подходит. Она для тебя недостаточно хороша.

— Недостаточно хороша?

— Ну да. Твое отношение. Думаешь, мы ничего не видим?

Вот тогда я впервые узнал, что этого мало — просто делать свою работу. Надо еще проявлять к ней интерес. И даже страстно ее любить.

Я проработал в том месте еще дня три-четыре, а в пятницу вечером нам дали зарплату. Желтый конверт с зелеными купюрами и мелочью вплоть до последнего цента. Настоящие деньги, никаких чеков.

В тот день водитель грузовика, развозившего заказы, освободился пораньше. Он зашел к нам в отдел, сел на стопку журналов, закурил сигарету.

— Слышь, Гарри, — сказал он одному из клерков. — А мне сегодня подняли зарплату. На два доллара в неделю.

Вечером после работы я взял бутылку вина, поднялся к себе, выпил, потом спустился на улицу, к автомату, и позвонил в свою контору. Телефон звонил долго. Наконец мистер Хедерклиф взял трубку. Он был еще на работе.

— Мистер Хедерклиф?

— Да?

— Это Чинаски.

— Да, мистер Чинаски?

— Я хочу, чтобы мне подняли зарплату. На два доллара в неделю.

— Что?

— Да, на два доллара в неделю. Водителю вы зарплату подняли.

— Он работает в нашей компании уже два года.

— Мне нужны деньги.

— Мы вам платим семнадцать долларов в неделю, а вы просите девятнадцать?

— Да, все правильно. Так вы повышаете мне зарплату?

— У нас нет возможности.

— Значит, я увольняюсь.

Я повесил трубку.

Глава 6

В понедельник я мучился с бодуна. Я сбрил бороду и отправился по адресу, указанному в объявлении. Редактор — человек с запавшими глазами в обрамлении черных кругов — сидел за столом без пиджака, в одной рубашке. Он выглядел так, словно неделю не спал. В помещении было темно и прохладно. Это был наборный цех одной из двух местных городских газет — той, которая поменьше. Наборщики сидели за столами под включенными лампами и верстали страницы.

— Двенадцать долларов в неделю, — сказал он.

— Хорошо, — сказал я. — Согласен.

Я работал вместе с толстым дядечкой небольшого росточка, с обвисшим брюшком. У него были старинные карманные часы на золотой цепочке, толстые пухлые губы и вечно угрюмое выражение на мясистом лице. Он носил жилет и зеленые солнечные очки. Его морщины не были ни характерными, ни фактурными; лицо наводило на мысли о том, что его сложили, как лист плотной бумаги, в несколько раз, а потом кое-как разгладили. Он носил башмаки с квадратными носами, жевал табак и постоянно сплевывал тонкую струйку коричневой слюны в плевательницу, которую держал под столом.

— Мистер Белджер, — сказал он, имея в виду редактора, которому явно не помешало бы выспать-

ся, — мистер Белджер изрядно потрудились, чтобы поставить на ноги эту газету. Он хороший мужик. Мы были на грани банкротства, а когда он пришел, дела сразу наладились.

Он посмотрел на меня.

— Обычно на эту работу берут студентов.

«Жаба ты, вот кто», — подумал я.

— Я имею в виду, — продолжал он, — что студенты, они же еще где-то учатся. И пока ждут, когда их позовут, могут спокойно читать учебники. Вы где-нибудь учитесь?

— Нет.

— Обычно на эту работу берут студентов.

Я вернулся в свою комнатку и сел за стол. Комната была маленькая, сплошь заставленная металлическими шкафами с выдвигаемыми ящиками. В ящиках лежали цинковые клише, которые использовались для набора объявлений. Еще там были самые разные штампы с именами и товарными знаками заказчиков. Толстяк с мятым лицом кричал мне: «Чинаски!», и я мчался к нему выяснять, какое именно клише и какой именно штамп нужны ему для набора. Часто меня посылали в наборный цех конкурирующей газеты, чтобы взять у них штампы и литеры, которых не было у нас. Мы тоже одалживали им штампы. Мне нравились эти прогулки. Я нашел одно милое местечко в переулке неподалеку от редакции, где стакан пива стоил пять центов. Толстяк дергал меня нечасто, и я почти не вылезал из пятицентовой пивной, превратившейся в мой второй дом. Толстяк начал по мне скучать. Поначалу он просто недобро поглядывал на меня. А потом все же поинтересовался:

— А где ты был?

— Пиво пил.